

Судьба привела меня позднее в Петербург, где я несколько дней провел с прелестною четою Экельнов; <...> и это было нашим последним свиданием. Сначала милая канареечка жена его не перенесла петербургского климата, а затем и сам он угас на самом расцвете жизни» (3, 388). Отрадные «мгновения» общения с четою Экельнов в Елисаветграде, как видим, имеют в тексте продолжение и завершение, и это один из редких развернутых во времени и сюжетно завершенных эпизодов, тогда как большинство беглых знакомств сюжетного продолжения не получают.

Венчает развитие «поэтического» сюжета встреча мемуариста в Федоровке, имении Петковичей, с Еленой Лариной (Марией Лазич): «...я скоро изумлен был ее обширным знакомством с моими любимыми поэтами. И между прочим, она первая познакомила меня с поэмой Тургенева „Параша“. <...> Но главным полем сближения послужила нам Жорж Санд с ее очаровательным языком, вдохновенными описаниями природы и совершенно новыми небывалыми отношениями влюбленных» (3, 431).

Еще поразительнее признание мемуариста, следующее за этими откровениями: «Только после некоторого продолжительного знакомства с m-lle Hé-lène, как я ее называл, я узнал, что она почти с детства любила мои стихотворения. Не подлежало сомнению, что она давно поняла задушевный трепет, с каким я вступал в симпатичную ее атмосферу» (3, 431–432).

В эпизодах встреч с Фетом-поэтом Елены Лариной полностью вытесненным на периферию повествования оказывается Фет-кирасир. Трагический финал «поэтического» сюжета хорошо известен.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-55-64

© Н. П. ГЕНЕРАЛОВА

А. А. ФЕТ О КНИГЕ И КРУГЕ ЧТЕНИЯ (ПИСЬМО К М. М. ЛЕДЕРЛЕ ОТ 25 ИЮНЯ 1891 ГОДА)*

Известный в свое время издатель и книгопродавец (его книжный магазин располагался в доме армянской церкви на Невском проспекте, 42) Михаил Михайлович Ледерле (1857–1908) не входил в число постоянных корреспондентов А. А. Фета. Похоже, их общение было заочным и ограничилось единственным письмом поэта, которое стало ответом на циркулярное послание Ледерле, разосланное им значительному числу писателей, ученых, педагогов и других видных представителей русской интеллигенции в связи с задуманной им книгой. Книга эта вышла в свет уже после кончины Фета, последовавшей 21 ноября 1892 года. Называлась она «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения».¹

Появлению книги способствовало несколько причин. Во-первых, М. М. Ледерле, который основал в 1889 году собственное издательство, называвшееся просто и непритязательно «Издание М. М. Ледерле и К^о», было важно составить как можно более полное представление о потребностях книжного рынка. Во-вторых, его, как человека просвещенного, интересовало мнение о лучших

* За помощь в подготовке данной публикации сердечно благодарю И. А. Кузьмину.

¹ Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб.: Издание М. М. Ледерле и К^о, 1895.

книгах для чтения людей, чья репутация в среде интеллигенции была признанной и устойчивой. Их точку зрения Ледерле, по-видимому, собирался использовать и в своей издательской деятельности, носившей прежде всего просветительский характер. Кроме того, как он сам признавался в предисловии к книге, проблема выбора лучших книг для чтения стала актуальной в Европе и в России и была обусловлена «громадным распространением в количественном отношении литературы».²

Подготовленная Ледерле книга примечательна во многих отношениях. Издатель действовал с солидным размахом. В предисловии он указал, что 14 мая 1891 года разослал 2000 экземпляров циркулярного письма различным адресатам, и воспроизвел само письмо, которое было отпечатано типографским способом.³ Как писал Ледерле, «означенный циркуляр был послан по Адрес-календарю 1891 г. всем академикам и корреспондентам Академии наук, всем профессорам 8-ми российских университетов, всем выдающимся ученым, литераторам, художникам, артистам, педагогам и общественным деятелям».⁴ Результат подобной рассылки, правда, оказался более чем скромным: на 2000 запросов Ледерле получил лишь 86 «отрицательных и положительных ответов». Поскольку в отрицательных ответах указывалось на недостаток времени, настойчивый издатель дал объявление в газетах о продлении срока с двух месяцев до полутора лет, однако и это не помогло. Не без обиды он был вынужден признать, что большинство потенциальных корреспондентов «просто не пожелали осчастливить меня ответом».⁵ Тем не менее издатель решил все же использовать полученные ответы в надежде привлечь к поставленным вопросам «общественное внимание».

Частично Ледерле привел и «отрицательные» ответы, оставляя их, как правило, без комментария. Так, издатель и поэт князь Д. Н. Цертелев писал ему: «Очень рад был бы исполнить ваше желание и ответить на предлагаемые вопросы, но, к сожалению, большая часть их представляется мне неразрешимыми, так как влияние того или другого сочинения главным образом зависит от характера, способностей и настроения читателя. Ввиду этого, по моему мнению, никаких общих выводов из отдельных случаев сделать невозможно».⁶ «Отрицательно» ответили на вопросы Ледерле профессор И. И. Янжул, редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич, В. Д. Сиповский, деятельница народного образования Х. Д. Алчевская, С. А. Венгеров, П. А. Гайдебуров и ряд других. «Остальное — молчание» — этой шекспировской фразой охарактеризовал издатель тех, кто не счел нужным откликнуться на его призыв. Таким образом материалы, на основе которых Ледерле составил свою книгу, ограничивались несколькими десятками писем (имена их авторов Ледерле выделил в именном указателе заглавными буквами), среди них оказалось и публикуемое ныне в полном виде письмо Фета. Кроме Фета, из литераторов откликнулись Я. П. Полонский, А. М. Жемчужников, Д. Л. Мордовцев, А. И. Эртель, прислали также свои ответы А. М. Скабичевский, Д. В. Стасов, М. И. Семевский, А. Ф. Кони, Д. А. Коропчевский, профессор математики К. А. Поссе и др.

Особенно огорчил Ледерле отказ Л. Н. Толстого, который писал, что «к великому сожалению» не может исполнить его желания, так как «составить список» ему не хочется, «а для того, чтобы вспоминать, подумать мне реши-

² Там же. С. IV.

³ Там же. С. III–VI.

⁴ Там же. С. VI.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. VII.

тельно нет времени!»⁷ Печатая этот ответ Толстого, Ледерле не упомянул, что речь шла о письме от 20 июня 1892 года, которому предшествовала переписка и длительное ожидание. Сохранилась собственноручная запись Толстого на конверте циркулярного письма Ледерле от 1 июня 1891 года: «Ответить поучтивее, что список такой есть у Маракуева. Маракуеву написать, что прошу сообщить. А то у Черткова».⁸ Эта запись была предназначена старшей дочери Толстого Татьяне Львовне, которая нередко отвечала вместо отца. Письмо Т. Л. Толстой к Ледерле в настоящее время неизвестно, но она, без сомнения, упомянула о списке книг, переданном В. Н. Маракуеву, и написала самому Маракуеву. Проявив завидное упорство, Ледерле раздобыл маракуевский список (он до нас не дошел), но не решился его публиковать без одобрения Толстого. 2 сентября 1891 года он обратился прямо к Т. Л. Толстой, сообщая о получении от Маракуева списка книг, «имевших влияние на нравственный рост Вашего батюшки», и, приложив список к своему письму, по-видимому, просил передать Толстому просьбу просмотреть его еще раз.⁹

На этот раз Толстой сам ответил настойчивому издателю и разъяснил свою позицию. Он признался, что присланный Ледерле маракуевский список является еще не завершенным дополнением к составленному известным английским естествоиспытателем Джоном Леббоком списку ста лучших книг для чтения. Это был тот самый Леббок, на которого в своем циркулярном письме ссылался и Ледерле.¹⁰ Таким образом, идея обратиться к Толстому с просьбой рекомендовать лучшие книги для чтения пришла почти одновременно двум издателям — В. Н. Маракуеву и М. М. Ледерле, однако последний оказался более предприимчивым и воспринял идеи Дж. Леббока более широко. Что касается Толстого, то год спустя он все же составил новый список и выслал его Ледерле, хотя и запретил его печатать. Этот список до нас не дошел, сохранился лишь черновой список «Сочинений, произведших впечатление» на Толстого в разные периоды жизни (с пометами «большое», «очень большое» или «огромное»).¹¹

⁷ Там же. С. VIII–IX. Воспроизводя фрагмент этого письма, Ледерле допустил несколько искажений: вместо «...так как составить список мне не хочется...» в письме Толстого было: «Кое-как составить список мне не хочется...»; вместо «...а для того, чтобы вспоминать, подумать мне решительно нет времени!» — «...а для того, чтобы вспомнить, подумать мне решительно нет времени» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 66. С. 229–230).

⁸ Там же. Т. 65. С. 337. Упомянутый В. Н. Маракуев в 1882 году основал издательскую фирму «Народная библиотека», отбирая для нее «здоровую и разумную пищу» для широких масс. Близкий Толстому во взглядах на народное просвещение, он, например, считал, что «Анна Каренина» и «Дворянское гнездо» для народа «равняются нулю» (О школьных библиотеках. М., 1884. С. 11. Цит. по: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 875). Да и сам Толстой с начала 1880-х годов был занят делами издательства «Посредник», первые книжки которого стали выходить в 1885 году; в 1889 году обсуждал с единомышленниками издание «народного» журнала («Соратник») и уже задумывался о составлении Круга чтения — замысел, который осуществится лишь к 1906 году.

⁹ См.: Там же. Т. 66. С. 69.

¹⁰ Список Леббока был напечатан в лондонском еженедельнике «Pall Mall Budget» в начале 1889 года. Маракуев прислал его Толстому для изменений и дополнений, прося опубликовать его в журнале «Сотрудник». «Но Толстой просмотр и составление этого списка не закончил. Маракуеву пришлось ограничиться напечатанием перевода статьи Леббока „Сто лучших книг“ в журнале „Сотрудник“» (1890. № 1–2. Сентябрь–октябрь. С. 155–164). См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 66. С. 69 (прим. 2).

¹¹ «Начатый и неоконченный» список был послан Толстым Ледерле «для вашего соображения, но не для печатания, т<ак> к<ак> он еще далеко не полон» (Там же. С. 67). Разумеется, Ледерле выполнил указание писателя. Впервые список был опубликован по черновой копии: Там же. С. 67–68. Толстой разделил названные им сочинения по нескольким возрастным рубрикам: «Детство до 14-ти лет или около того», «С 14-ти лет до 20-ти» и далее — с 20 до 35, с 35 до 50 и с 50 до 63. В возрастной раздел с 14 до 25 он включил «Записки охотника» И. С. Тургенева с пометой «оч. большое», а в следующем отметил стихотворения Фета с пометой: «большое».

К своему первому (циркулярному) письму, отправленному Толстому, Ледерле сделал от руки приписку: «Следует ли уверять вас, горячо любимый Лев Николаевич, что огромное большинство читателей первым делом будет искать в моей книге Ваших указаний».¹² Об этом же он писал, цитируя письмо Толстого в своей книге «Мнения русских людей...»: «*Л. Н. Толстой*, искренно меня опечаливший своим отказом, так как в его ответе я мечтал найти ключ к моим сомнениям <...>», а под строкой добавил: «Я горячо все же убежден, что если моя книга доживет до второго издания, то я буду ошастливлен ответом и Льва Николаевича».¹³ Увы, до второго издания книга Ледерле не дожидая. Следует, пожалуй, сказать, что в конце книги издатель поместил своеобразный рейтинг авторов, упомянутых более семи раз. Первым оказался А. С. Пушкин (40 упоминаний), вторым — И. С. Тургенев (37), «обогнавший» Шекспира, Лермонтова, Гоголя и Льва Толстого. Фет не был назван ни одним корреспондентом, кроме Л. Н. Толстого, чей список, как уже говорилось, не был опубликован.

Несмотря на то, что основанное М. М. Ледерле издательство имело немало конкурентов, которые ставили схожие просветительские задачи, ему удалось продержаться на книжном рынке довольно долго — почти десять лет. За это время вышло в свет более 300 книг, причем в разных сериях: «Моя библиотека», «Библиотека нашего юношества», «Нашему юношеству рассказы о хороших людях», «Иллюстрированная естественнонаучная библиотека» и др. Читателю из народа была предназначена серия «Сердечное слово», при этом издатель не скрывал морально-нравственной направленности своей деятельности. Особое внимание уделял Ледерле книгам для детей, он и сам писал детские рассказы. Среди выпущенных книг было немало переводных.¹⁴

Обратимся к упомянутому циркулярному письму Ледерле, экземпляры которого сохранились в различных архивах, в том числе в архиве известного филолога-классика И. В. Помяловского, незадолго до того, в 1890 году, избранного членом-корреспондентом Императорской Академии наук.¹⁵ Приведем циркулярное письмо Ледерле по экземпляру из архива И. В. Помяловского:

*«Милостивый государь
Иван Васильевич,*

Несомненно, что разумный выбор чтения, с первых лет развития человека, составляет самое могущественное и верное средство в смысле образовательно-воспитательном и в смысле нравственной и умственной связи с интересами своей родины и всего человечества.

Такое признанное всем образованным миром чтение, ввиду громадного распространения в количественном отношении литературы, не раз побуждало многие величайшие умы указывать те или другие лучшие книги по разным отраслям знания, которые могли бы способствовать образовательно-нравственным целям.

¹² Цит. по: Там же. С. 69.

¹³ Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. С. VIII, IX.

¹⁴ Подробнее о М. М. Ледерле и его издательстве, с приложением списка выпущенных им книг, см.: *Ильина О. Н.* Михаил Михайлович Ледерле — издатель и книготорговец. Редкие книги: Виртуальные выставки РНБ. http://expositions.nlr.ru/ex_rare/lederle/; дата обращения: 01.06.2020.

¹⁵ И. В. Помяловский (1845–1906), к тому моменту ординарный профессор по кафедре классической филологии, затем декан историко-филологического факультета и одно время ректор Санкт-Петербургского университета, член Ученого комитета Министерства народного просвещения, многих русских и иностранных ученых обществ. Не лишним будет отметить, что благодаря высокой оценке Помяловским переведенного Фетом Горация в 1884 году поэт был удостоен полной Пушкинской премии.

В числе таких указаний наиболее известен примерный выбор лучших книг для чтения, сделанный одним из знаменитейших ученых и величайших умов нынешнего века, Джоном Леббоком, автором вышедшей у нас разом в 2-х переводах книги „Радости жизни“, выдержавшей в Англии, в 3 года, 20 изданий.¹⁶ Пример Леббока вызвал в Германии книгу: „Die besten Bücher aller Zeiten und Literaturen“,¹⁷ изданную при участии лучших сил германской интеллигенции, а во Франции целый ряд списков лучших книг, помещенных в журналах представителями литературы и политическими деятелями.

Вышеназванная книга и списки были встречены весьма сочувственно прессой и читающей публикой, представляя из себя свод всех тех мнений относительно выбора чтения, которые были получены путем обращения к наиболее выдающимся ученым, литераторам, художникам, педагогам, политическим деятелям и др.

Если потребность в разумном выборе чтения сознается в образованных странах мира: Англии, Франции и Германии, то тем более подобный примерный выбор, хотя бы пока и далеко не совершенный, важен у нас в России — у нас, где читают, пожалуй (особенно в провинции), и довольно много, но крайне беспорядочно и непроизводительно, причем крайне плохие произведения по разным отраслям знания, не говоря уже о литературе художественной, не только не служат делу образования, но даже способствуют распространению самых нелепых понятий. Особенно по отношению к выбору чтения находится в печальном положении наша молодежь, не имеющая с этой стороны никакого руководства и указания и часто, по случайно попавшей в руку книжке, поверхностной и узкотенденциозной, составляющая понятие о серьезнейших научных и социальных вопросах.

Ввиду всех этих соображений предполагается, по примеру Франции и Германии, издать и у нас подобный же, по возможности краткий, свод мнений о выборе чтения, сделанный выдающимися людьми нашей родины.

¹⁶ Книга Дж. Леббока «Радости жизни» («The Pleasures of Life») была чрезвычайно популярна в Англии и многократно переиздавалась. Перевод ее (М. Ловцовой), вышедший в Петербурге в 1890 году под заглавием «Успехи и радости жизни» (Издание книгопродавца В. И. Губинского) с предисловием А. Михайлова, был сделан с четырнадцатого английского издания. В другом переводе (В. А. Габблер) и с предисловием автора, написанным специально для русского издания, книга Леббока появилась в двух частях в том же 1890 году в журнале «Пантеон литературы». Этот перевод был выполнен с восемнадцатого английского издания. Впоследствии книга неоднократно переиздавалась. Как писал в предисловии к книге А. Михайлов, «имя сэра Джона Леббока, известного последователя Чарльза Дарвина и автора таких переведенных на все европейские языки сочинений, как „Начала цивилизации“, „Доисторические времена“, „Происхождение и превращения насекомых“, конечно, не нуждается ни в каких рекомендациях даже у нас в России, так как это имя хорошо знакомо и нашей читающей публике» (С. 5).

¹⁷ Очевидно, Ледерле имел в виду книгу под таким названием («Лучшие книги всех времен и литератур»), изданную в Берлине в 1889 году в издательстве «Pfeilstücker» (на титуле: 1890). В книге имелось два подзаголовка: «Ein deutsches Gegenstück zu den englischen Listen der 100 besten Bücher» («Немецкий эквивалент английских списков 100 лучших книг») и «Eine Sammlung von ähnlichen deutschen Listen und von Äußerungen lebender deutscher Schriftsteller u.s.w. über die bevorzugtesten Bücher ihrer eigenen Neigung zur Beratung des lesenden Publikums zusammengestellt» («Собрание аналогичных немецких списков и мнений современных немецких писателей и т. д. об излюбленных книгах по их собственным предпочтениям, составленное для рекомендации читающей публике»). В ней собраны 35 более или менее полных ответов писателей и других известных людей, имеющих отношение к книжному делу (Ю. Роденберг, Т. Фонтане, М. фон Эбнер-Эшенбах и др.). Как отмечалось в предисловии, изданию способствовало появление английского списка, впервые опубликованного в газете «Times» в 1887 году, где немецкая литература была представлена всего тремя позициями: «Песнь о Нибелунгах», «Фауст» и «Вильгельм Мейстер» Гёте и Гейне. Подобное «трехпроцентное распределение немецкого духа» по сокровищам мировой литературы составители посчитали необъективным и «по-английски односторонне окрашенным» (Estermann A. «Die besten Bücher...»: Vorgeschichte und Programm // Archiv für Geschichte des Buchwesens / Hrsg. von der Historischen Kommission des Börsenvereins des Deutschen Buchhandels e. V. Frankfurt a/Main, 1988. S. 261).

С целью создания первого в России подобного сборника, я, в качестве издателя, осмеливаюсь обратиться к вам, *милостивый государь*, с покорнейшей просьбою не отказать сообщить письменно, по указанному ниже адресу, по возможности в продолжении 2-х месяцев от нижеписанного числа: 1) Список тех книг, как художественных, так и по всем отраслям знания, которые в вашей жизни, от самых юных лет, произвели на вас наиболее сильное впечатление и, по вашему мнению, способствовали вашему нравственному и умственному развитию; 2) Список тех книг, с которыми считаете вы необходимым познакомить молодежь и читающую публику. Примите и проч.

Искренне Вас уважающий

М. Ледерле,

*член Совета С.-Пб. Комитета грамотности».*¹⁸

Полученные ответы Ледерле распределил по шести рубрикам: 1) Воспитательное значение книги; 2) Выбор чтения. Руководители и их значение. Самостоятельное чтение. Полезное и вредное влияние его; 3) Книги, оказавшие сильное впечатление или имевшие наиболее определенное влияние на развитие; 4) Общие начала чтения, способствующие умственному и нравственному развитию; 5) Руководящие книги духовного, литературного и научного содержания; 6) Общие заключения, какие могут быть выведены из предшествующих мнений. Не воспроизводя ответы своих корреспондентов целиком, Ледерле ограничился цитатами из писем.

Мнение Фета было помещено издателем в четвертую рубрику, однако представлено оно было лишь частично и далеко не отражало полного содержания письма. Кроме того, в приведенной цитате была сделана незначительная стилистическая правка, а также не замечены некоторые опечатки, в том числе одна существенная: пропущена частица «не», что отмечено ниже.

В использованной цитате мало что могло показаться новым тогдашнему читателю: Фет был известным приверженцем классического образования и неоднократно заявлял об этом.¹⁹ Более того, он был одним из самых плодотворных переводчиков классических текстов, начиная с од Горация и заканчивая поэмой Лукреция «О природе вещей», перевод которой остался незавершенным.²⁰ По существу, переводы Фета составили целую библиотеку

¹⁸ РНБ. Ф. 608 (архив И. В. Помяловского). Оп. 1. № 939. Л. 1–1 об. Текст отпечатан типографским способом, слова, выделенные курсивом, вписаны от руки. Подчеркнутые слова в оригинале набраны курсивом.

¹⁹ Наиболее полно Фет изложил свои взгляды в статье «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» (впервые: Литературная библиотека. 1867. Т. 5. Кн. 7/8. Апрель (кн. 1 и 2). С. 48–69). См. также: *Фет А. А. Соч. и письма*: В 20 т. СПб., 2006. Т. 3. Повести и рассказы. Критические статьи. С. 274–307. Одной из последних публикаций на эту тему была статья Фета «К вопросу о нашем образовании» (Московские ведомости. 1890. 28 фев. № 58. С. 2).

²⁰ Начиная с «Од» Горация, изданных в 1856 году отдельным сборником с помощью И. С. Тургенева, Фет подготовил в 1883 году полный перевод одного из любимейших своих римских поэтов: К. Гораций Флакк / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1883. В 1884 году Академией наук ему была присуждена за этот труд полная Пушкинская премия, перевод был также рекомендован Ученым комитетом Министерства народного просвещения в качестве учебного пособия для гимназий (см.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 49. Л. 836–837). Вслед за Горацием последовали: Д. Юния Ювенала Флакк / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1885; Стихотворения Катутлла / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Элегии Тибулла / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV = Публия Овидия Назона XV книг Превращений / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1887; Энеида Вергилия / Пер. А. Фета, со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного проф. Имп. Казанского ун-та. М., 1888. Ч. 1–2; Элегии Секста Проперция / Пер. А. А. Фета. СПб., 1888; Сатиры Персия / В пер. А. Фета. СПб., 1889; М. В. Марциала Эпиграммы / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1891. Ч. 1–2; Тита Макция Плавта Горшок / Пер. А. А. Фета. М., 1891; Скорби Овидия (Tristia) / Пер. А. Фета. М., 1893. Незавершенным, как упоминалось, оказался

древнеримских поэтов, причем все изданные им книги были снабжены предисловиями и комментариями. И это было не прихотью, а сознательно поставленной и практически осуществленной задачей: Фет был уверен, что русский читатель должен иметь переводы классических текстов. С полным правом он мог сказать в 1888 году: «...без моих трудов Россия до сих пор была бы без стихотворных переводов римских поэтов».²¹

Столь же сознательной целью руководствовался Фет, выполнив единственный в свое время полный перевод обеих частей «Фауста» Гёте, причем вторая часть была также снабжена предисловием и комментариями.²² Не случайно именно «Фауста» назвал Фет в письме к Ледерле в качестве произведения, по которому он «учился задумываться над мировыми вопросами».

«„Фауст“ — это моя художественная религия — и пропаганда, — писал Фет своей приятельнице и многолетней корреспондентке С. В. Энгельгардт 5 февраля 1881 года. — Это вершина всего Гёте...».²³ Предисловие к переводу второй части «Фауста» вылилось под пером Фета в настоящий философско-эстетический трактат, в котором он не только вступил в спор с теми, кто отрицал значение второй части в сравнении с первой (как, например, Тургенев), но и возражал против трактовки искусства такими авторитетами, как Гегель, а на русской почве — Белинский, Чернышевский и другие представители «реальной» критики. Недвусмысленно высказался Фет в Предисловии к переводу «Фауста» по поводу нравоучительных народных рассказов Толстого, взяв в качестве примера рассказ «Чем люди живы» (1881) и показав, каким образом привнесенная идея искажила смысл написанного даже таким талантом, каким был Лев Толстой.²⁴

Совсем не случайно с самого начала своего ответа на циркуляр Ледерле Фет переводит разговор в более общий план, как бы уходя от конкретных ответов и не перечисляя книг, которые должен прочитать человек, желающий назвать себя образованным.²⁵ Противопоставляя «беспредельную лестницу» образования его первой ступени — грамотности, распространением которой были озабочены передовые умы, Фет возвращается к спору, начатому

перевод поэмы Лукреция (см.: *Лукреций. О природе вещей* / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3. С. 264–339). Отметим, что все переводы, вышедшие отдельными книгами, как и все четыре выпуска «Вечерних огней», Фет издавал за свой счет.

²¹ *Фет А. Стихотворения. Проза. Письма* / Вступ. статья А. Е. Тархова; сост. и прим. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 405 (письмо к графу А. В. Олсуфьеву от 7 июля 1888 года).

²² *Фауст. Трагедия Гёте. Ч. 1* / Пер. А. Фета. М., 1882; *Фауст. Трагедия Гёте. Ч. 2* / Пер., предисловие и прим. А. Фета. М., 1883. Первая часть была посвящена племяннику Фета П. И. Борису, вторая — вдове А. К. Толстого графине С. А. Толстой.

²³ *Фет А. Стихотворения. Проза. Письма*. С. 388–389. Более подробно о трактовке Фетом «Фауста» см.: *Генералова Н. П. Оправдание человека: К трактовке финала «Фауста» Гете (И. С. Тургенев и А. А. Фет)* // *Русская литература*. 1999. № 3. С. 42–57.

²⁴ Продолжая полемику с Л. Н. Толстым, увлеченным в это время религиозными исканиями, Фет писал: «Таким образом, головная сентенция осталась сентенцией, а художественная правда не только не дозволила автору оправдывать сентенцию рассказом, но и привела его к очевидному утверждению противоположного. Поневоле вспомнишь мудрый совет Козьмы Прутков: „Когда в зоологическом саду на клетке носорога прочтешь надпись: буйвол — не верь глазам своим“» (см.: *Фауст. Трагедия Гёте. Ч. 2*. С. XXXVI).

²⁵ Предложенный Ледерле принцип опроса в виде составления списков книг вызвал критику у рецензента «Вестника Европы» (возможно, им был сам редактор журнала М. М. Стасюлевич), который писал от лица тех, кто отказался высказаться: «В самом деле, что означал бы список книг, производивших сильное впечатление „от самых юных лет“ на того или другого из вызванных лиц? Может быть, что такое сведение доставило бы анекдотическую черту для их биографии, но едва ли послужило бы для общего вопроса <...>». Отмечал рецензент и неясность по поводу того, для кого собственно предназначались эти списки (*Вестник Европы*. 1895. № 10. С. 834).

в 1856 году публикацией письма В. И. Даля к А. И. Кошелеву, в котором утверждалось, что «грамота сама по себе ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит».²⁶ Откликаясь на полемику, возникшую по этому вопросу, Фет еще в 1863 году писал в очерке «Из деревни»: «Кого же было бы всего желательнее видеть теперь народным воспитателем? Бесспорно, священника, пока не явятся специальные педагоги, воспитанные в духе христианского смирения и любви».²⁷ И там же: «Христианство является, бесспорно, высшим выражением человеческой нравственности и основано на трех главных деятелях: вере, надежде и любви. Первыми двумя оно обладает наравне с прочими религиями. Нет религии без веры и надежды; зато *любовь* — исключительный дар христианства, и только ею Галилеянин победил весь мир. Излишне говорить, что вера, надежда и любовь свойственны душе человека. Христианство и не могло бы быть таким могучим двигателем, опираясь на несуществующее. И важна не та любовь, которая, как связующее начало, разлита во всей природе, а то духовное начало, которое составляет исключительный дар христианского воспитания».²⁸ Вот какие мысли скрывались за утверждением Фета в письме к Ледерле, что «надо бы в течение 30 лет со дня освобождения масс заботиться хотя бы о сохранении того нравственного и материального благосостояния, которым они пользовались при прежнем порядке». Характерно, что, обращаясь к члену Совета Санкт-Петербургского Комитета грамотности, образованного в 1861 году и с первых дней своего существования озабоченного составлением каталога книг для народного чтения, устройством школ и сельских библиотек, Фет прямо ставит под сомнение результаты этих усилий.

К проводимым в России реформам во всех областях жизни Фет скептически относился и ранее в целом ряде ярких публицистических выступлений. Особенно откровенно он делился своими мыслями с видным деятелем реформы Н. П. Семеновым.²⁹ Как видно из публикуемого письма, мнение Фета мало изменилось пять лет спустя. Не случайно в конце поэт извиняется перед издателем: «...отвечать Вам против своего убеждения я считал недобросовестным, а молчать — невежливым». Тем не менее Фет предпочел высказаться.

«А. А. Фет — М. М. Ледерле»³⁰
25 июня 1891 года. Воробьевка

Моск.-Курск. ж. д.
Ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{25}{VI}$ 91.

Милостивый государь Михаил Михайлович,

Полученное мною вчера циркулярное приглашение Ваше поставило меня в крайнее затруднение касательно посильного ответа. Полагаю, что чистосер-

²⁶ Русская беседа. 1856. Т. 3. Смесь. С. 3.

²⁷ См.: *Фет А. А.* Соч. и письма. Т. 4. С. 252.

²⁸ Там же. С. 244.

²⁹ См. об этом: *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым // *Афанасий Фет и русская литература. XIX Фетовские чтения.* Курск, 2005. С. 66–90. См. также: *Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884–1892)* / Публ. Н. П. Генераловой // *А. А. Фет: Материалы и исследования.* Вып. 3. С. 558–690.

³⁰ Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 426 (Архив М. М. Ледерле). № 57. Л. 1–2 об. Записано рукой секретаря Фета Е. В. Федоровой, последняя фраза и подпись рукой Фета.

дечное изложение моего мнения вкратце будет наилучшим выражением признательности за сделанную мне честь. Смущают меня понятия с одной стороны грамотности, а с другой образования, из которых первое представляет только самую низшую ступень беспредельной лестницы второго. Так как первое относится ко всей массе народонаселения, то не могу умолчать, что, придерживаясь изречения „*primum edere, deinde philosophari*“, ³¹ считаю, что надо бы в течение 30 лет со дня освобождения масс заботиться хотя бы о сохранении того нравственного и материального благосостояния, которым они пользовались при прежнем порядке, тем более что сама реформа нашла название: улучшение быта крестьян. Между тем мы сделали все, чтобы внести в народные массы полное неуважение к законному порядку и нравственности: воспользоваться самыми низкими народными инстинктами для близоруких фискальных целей.

Итак, главное, на чем зиждется искомое благо народа, болезненно надломлено, причем упущено из виду, что человек, поднявшийся в материальном отношении над уровнем других, тем самым вынуждается к грамотности и тому роду образования, в котором чувствует ближайшее нравственное благо. Можно допустить предложение со стороны интеллигенции народу умственной пищи на тех же экономических основаниях, на каких в городах предлагается рядом с черным хлебом и белый, но навязывать бедняку, который не в состоянии купить и черного хлеба, во что бы то ни стало белый, хотя и губительно в экономическом отношении, но далеко не настолько, насколько вредно искусственное распространение грамотности, тем более в видах проводника так называемых последних слов науки. Что касается до составления сборников для наилучшего образования, то, не имея под руками иностранных, указанных в Вашем циркуляре, я не в силах составить себе никакого понятия, для какого круга читателей это предназначается. Нельзя же в самом деле серьезно говорить о последних словах науки. Наука по своей бесконечности последних слов иметь не может, и нередко вчерашнее последнее слово оказывается сегодня решительным вздором. Почти то же можно сказать и об искусстве. Но ³² если бы, оттеняя несколько предложенный Вами вопрос, меня спросили: что надо делать для того, чтобы помочь данному юноше питаться здоровою умственною пищею, то я, не обинуясь, сказал бы, что прежде всего надо укрепить, обработать его умственный желудок, подобно тому, как Митридат это сделал со своим физическим, ибо известно, что в ослабленном желудке какая-либо горошина или косточка может быть губительною. А так как все наше образование преемственно от древнеклассического мира, в котором таятся бессмертные семена всего современного умственного богатства, то и следует укрепить нашу мысль умственною гимнастикою над древним мировоззрением и затем уже читать. Вы спросите: что? Таким образом пришлось бы над прочным фундаментом древности возводить новую библиотеку. Если мы при выборе для нее книг ограничимся личным вкусом того или другого, то и тут выбор, даже при полной рутинности, не может не ³³ быть затруднителен. Указывая на Данта, Сервантеса, Шекспира, Байрона, Гёте, какое право будем мы иметь не указать на Бэкона, Декарта, Спинозу, Лейбница, Канта, Шопенгауэра, на целый ряд английских и даже французских философов?

³¹ «Сначала пища, потом философия» (лат.). В подлиннике ошибочно: *deinde filosofarit*, что следует отнести на счет Е. В. Федоровой.

³² Далее со слов «если бы меня спросили» до слов «то, конечно, скорее над „Фаустом“, чем над нашими поэтами» текст письма воспроизведен в книге «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения» (с. 113–114).

³³ В книге «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения» вместо «не может не быть» напечатано: «не может быть» (с. 114).

Не следует, однако, забывать, что мы имеем в виду помочь наилучшему образованию человека, а затем спросим: заслуживает ли названия образованного человека не читавший, не говорю французских трагиков и комиков и лириков вроде Гюго, а только Парни и Беранже? Пусть человек с умственно укрепленным желудком читает все, насколько он может захватить. Его желудок из всего извлечет питательные соки, и его не смутит „тайный яд страницы знойной“, по выражению Лермонтова. Положим, что я в свою очередь умею восхищаться произведениями Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Тургенева и Толстого, но если меня спросят, где я учился задумываться над мировыми вопросами, то, конечно, скорее над „Фаустом“, чем над нашими поэтами. Повторяю, — отвечать Вам против своего убеждения я считал недобросовестным, а молчать — невежливым.

Прошу принять уверение в совершенном уважении, с каким имею честь быть

Ваши<м> вс<е>покорнейшим

А. Шеншин<ым>».

Если сопоставить ответ Фета с другими, то придется признать, что по существу Ледерле должен был отнести его к числу «отрицательных», а не «положительных». Издатель предпочел опустить важнейшую часть письма Фета, сняв тем самым вопрос. Восстанавливая полный текст этого открытого письма, следует подчеркнуть его полемическую направленность и причислить его к одному из последних публицистических выступлений Фета.